

Отношение к прошлому — ключ к будущему

Честно говоря, на уже не в первый раз поднимаемый вопрос: "Куда идет Россия?.." хочется ответить другим: "Куда ведут Россию?.." Судя по происходящему, Россия, если и идет куда-то, то как бы не по своей воле, т.е. не столько идет, сколько упирается. Вполне нормальная реакция для любого живого существа, если его ведут, например, на бойню. Претендентов на роль ведущих, знающих, куда вести, сегодня множество, но никто из них не стал пока общепризнанным лидером в общественном мнении.

Нашим реформаторам и консерваторам, демократам и коммунистам, западникам и почвенникам не удастся, на мой взгляд, главное — найти связующую нить, разумно и нравственно оправданную преемственность между прошлым и будущим России, тем, чем она была и есть по своей реальной истории и чем должна быть в их представлении. Мы либо грезим о своем прошлом, либо проклинаем его. Одни отрицают прошлое во имя будущего, другие усматривают в нем его единственный достойный образец. Соответственно, и будущее мыслится нами либо как сколок с прошлого, либо по принципу от противного, чему нет аналога в отечественной истории. Говоря о будущем, необходимо, следовательно, определиться прежде всего в своем отношении к прошлому, тем более к тому, с которым мы недавно расстались.

Те, кто видят будущее России исключительно в либеральной перспективе (по образцу США и европейских стран), XX в. в ее истории представляется, естественно, исторической неудачей или, как выразился наш известный либеральный экономист А.Илларионов, "потерянным столетием", некоторым выпадением из нормального хода времени. Просуществовав под знаком социализма, этот век, как считает А.Илларионов, заставил страну сойти со столбовой дороги истории, превратил ее из "экономического великана", каким она якобы была в его начале, в "карлика", каким она является сейчас. Единственный шанс на спасение — вернуться на путь либерализма.

Подобный нигилизм в отношении к уходящему веку, возможно и оправданный в глазах либерала, исторически совершенно бессмыслен. Судить историю задним числом — дело нехитрое, значительно труднее понять ее, объяснить, почему она именно такова, а не другая. Во все времена либералы отличались одной особенностью: всю предшествующую историю они считали плодом ошибок и

заблуждений, тогда как свой приход отождествляли с "веком разума" и даже с "концом истории". Такое высокомерие в отношении к своим предшественникам, будучи, вероятно, уместным в XVIII в., в конце XX в. выглядит анахронизмом. Сколь обоснованной и желательной бы не выглядела либеральная модель политического и экономического развития, она обретает реальность не вопреки, а благодаря предшествующей истории, при наличии в ней соответствующих условий и предпосылок. Упрекать Россию за то, что она уже в начале века не стала либеральной страной, значит, ничего не понимать ни в России, ни в либерализме.

Победе либерализма в Европе предшествовал, как известно, длительный и сложный период ее перехода от Средневековья к Новому времени, охвативший собой эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения, не говоря уже о серии прокатившихся по Европе революций, обеспечивших политическую эмансипацию общества от власти абсолютных монархий. Будучи, несомненно, родиной либерализма, Европа далеко не сразу и не одновременно встала на путь либерального развития. Что же говорить о странах, развивавшихся за пределами европейского мира? Либеральная экономика, конечно, всем хороша, но что делать с собственной историей, которая не во всем подчиняется законам свободного рынка, имеет свои приоритеты и ценности? Ставить России в вину ее историю последнего столетия — бесперспективное дело, путь в никуда; намного важнее разобраться в том, чем этот век действительно был для России, какое место он займет в ее последующем развитии.

Для меня несомненно, что главным событием XX в. в нашей истории стала революция, определившая собой лицо века, сделавшая его в ряду других столетий веком прежде всего революционным. Революция началась не в Октябре и осуществлялась усилиями не одних только большевиков. За 12 лет, начиная с 1905 г., в России произошли три революции, первая из которых окончилась поражением. Можно считать их разными революциями, а можно видеть в них последовательные фазы единого революционного процесса, называемого Великой русской революцией. Февраль дал победу умеренно-революционным силам, Октябрь — радикальным. Он лишь довел до конца революционный процесс, начатый в феврале. Революция как бы описывает полную дугу от короткой "демократической увертюры" (термин Питирима Сорокина) до грозного финала однопартийной диктатуры. И таков закон любой революции. Здесь некого винить, кроме самой революции. Раз она случилась, все остальное неизбежно. Не большевики, а начавшаяся в России революция предредила этот финал. Н.А.Бердяев был прав, когда писал, что большевики были не творцами, а орудием революции, которая всегда идет до конца.

Бесплодно судить о революции с моральной позиции, предъявлять ей обвинение в жестокости и негуманности. С таким же успехом можно осуждать рабство, войны, эксплуатацию — этим не решишь проблему их существования в истории. Революция по самой своей природе — действие не правовое и моральное, а чисто силовое. Насилие, террор, гражданская война (все, что ставится ей в вину) являются ее методом, вполне легитимным с революционной точки зрения. Добрых, не кровавых революций не бывает. Нельзя доводить дело до революции, но раз она началась, бесполезно предъявлять ей моральный счет. Революция и означает выход за пределы морального и правового порядков. Она ответственна за свои жертвы не более, чем землетрясение отвечает за нанесенный им ущерб. Осуждая революцию, необходимо тогда осудить и все революционное движение в России, охватившее собой практически все поколения русской интеллигенции. А заодно надо осудить и всю русскую историю, ставшую для этого движения питательной почвой. Если почва рождает революцию, последняя рано или поздно напоит ее кровью.

О значении и необходимости русской революции, особенно в ее заключительной фазе, спорят до сих пор, причем с диаметрально противоположных позиций. Подобное расхождение во взглядах не должно удивлять: революция сама есть продукт общественного раскола, который сохраняется и после нее. Она не примиряет враждующие стороны, а делит их на победителей и побежденных. Первые видят в ней триумф разума и воли, торжество исторической справедливости, вторые — национальную катастрофу и гибель. Не думаю, что наше время сможет поставить окончательную точку в этом споре. Все мы дети революции, хотя и воспринимаем ее по-разному: одни — как свет, другие — как мрачную тень, отбрасываемую ею на нашу историю. Столь же рано судить и о том, на чьей стороне здесь истина, поскольку революция, сломившая старый порядок, вовсе не закончилась с уходом коммунистов от власти: не они начали революцию и не их поражение станет ее завершением.

Здесь напрашивается еще одно соображение общего порядка. Революция никогда не осуществляет те лозунги, которые она провозглашает в качестве своей цели. Лозунги эти часто слишком утопичны и практически нереализуемы. Последствия революции, ее результаты, если брать их в более отдаленной перспективе, как правило, расходятся с ожиданиями ее непосредственных участников. Этим я вовсе не хочу перечеркнуть значение всех великих революций, в том числе и нашей: они действительно открывают собой новую страницу в истории. Важно лишь правильно прочитать, что написано на этой странице, не доверяясь слишком тому, что писали на ней победители и побежденные.

И все-таки прежде всего о победителях — большевиках. Большевики победили в силу логики самой революции, выводящей на первый план наиболее последовательную в своем радикализме и революционности силу. Среди политических партий и движений того времени они были единственными людьми XX в. Их победа — это победа XX в. над XIX в.

Следует отличать большевистскую веру от большевистской практики — политической и экономической. Вера — из XIX в., практика — из XX в. То, во что верили большевики (и вначале вполне искренне), не совпадает с тем, что они реально делали, хотя их судят сегодня именно за веру. Согласно этой вере, ставшей затем официальной идеологией, Октябрь открыл собой эпоху перехода человечества от капитализма к социализму. Победители в революции были убеждены в том, что она станет прологом мировой пролетарской революции. Через два-три года, когда стало ясно, что мировой революции не будет, они заговорили о строительстве социализма в одной стране. После смерти В.И.Ленина И.В.Сталин объявил, что социализм "в основном" построен. Так возник миф о победившем социализме — основа и суть идеологии сталинизма. Даже В.И.Ленин считал, что социализма еще долго не будет, что ему предшествует длительный переходный период с элементами рынка и частной собственности. И.В.Сталин отождествил идею социализма с реальностью, выдал реальность за социализм, и с тех пор мы свято верим, что жили при социализме. Впоследствии сталинский миф трансформировался в представление о "реальном" и "развитом социализме". Именно этот миф и владеет сознанием наших либералов и демократов, возвещающих о "потерянном столетии".

Если связывать с Октябрем лишь идею перехода к социализму, невольно склонишься к мысли о том, что Октябрь был трагической ошибкой нашей истории, злым умыслом большевиков, обманном путем пришедших к власти. Вопреки такому мнению, действительный смысл революции вовсе не сводится к тому, за что выдавали ее (искренне или лицемерно) победившие большевики. Пусть они и думали, что строят социализм, на деле они решали задачу, вставшую перед Россией задолго до революции. Суть этой задачи — переход России не от капитализма к социализму (для чего не было никаких оснований), а от традиционного общества к современному или индустриальному. Октябрь действительно открыл новую эпоху в истории — эпоху ускоренной модернизации стран, непосредственно не принадлежащих к европейскому региону. То, что эта модернизация осуществлялась здесь по иной модели, чем европейская, т.е. при отсутствии свободного рынка и демократии, объясняется просто. У этих стран была другая история, культура и даже география. Россия первая показала пример нелиберальной (т.е. не

по западному образцу совершаемой) модернизации, что, конечно, можно поставить ей в вину, но можно посчитать и бедой, отсутствием иной альтернативы прорыва в современность.

Главным символом политической веры XIX в. была либеральная идея политической свободы. Именно она владела умами противников большевизма в революции. Казалось, достаточно покончить с самодержавием, установить республиканский строй, объявить все население страны свободными гражданами России — и остальное решится само собой: наступит эпоха демократии, экономического процветания и подъема производства на базе свободного рынка. Политическая свобода обеспечит в конечном счете и победу капитализма в стране. Царя убрали, но результат оказался прямо противоположным — развал армии, распад страны, политический хаос и анархия. Возникла реальная угроза не только военного поражения, но и гибели государства. Русская буржуазия оказалась слишком слабой, чтобы сопротивляться вырвавшейся на волю народной стихии, не признающей для себя никаких правовых и моральных ограничений. Свобода обернулась сначала насилием снизу, а уже затем и сверху. Короче, революция не стала победой буржуазии в силу ее малочисленности и слабости, ее неукорененности в широких массах.

Что же сегодня заставляет нас думать о том, что в конце века мы ближе к капитализму, чем в начале его? Если капитализм не состоялся в истоке революции, которая дала победу большевикам, почему после потери ими власти он стал для нас более реальным? Если, как принято думать, пролетариат является могильщиком капитализма, то кто является могильщиком коммунизма? По той же логике — буржуазия, но откуда ей взяться в стране, где от нее остались одни воспоминания? Если посткоммунистическая Россия ближе к капитализму, чем докоммунистическая, то наши либералы хотя бы только за это должны быть благодарны коммунистам. И будут во многом правы, потому что никто не сделал больше для модернизации страны, пусть и недемократическими, нелиберальными средствами, чем большевики. Именно они в режиме традиционной для России мобилизационной экономики решали задачи технологического и организационного прорыва в современность, которые на Западе решаются капитализмом. Сейчас (в условиях постиндустриального общества) подобная модель модернизации исчерпала себя, не может более конкурировать с современными моделями, но для России начала века она была, очевидно, единственно возможной. Пусть это звучит несколько парадоксально, но наш социализм и был капитализмом по-русски, т.е. капитализмом по своему технологическому содержанию и антикапитализмом по форме — по методам и способам формирования Этого содержания.

Существуют разные ответы на вопрос о том, какую жизненно важную проблему для нашей истории решала революция, ради чего она совершалась. Один из них был озвучен Н.А.Бердяевым: революция решала вопрос о Боге, о возможности построения общества без религии и веры. Атеизм является ее коренным пороком, причиной неминуемого будущего поражения. Главной виной большевизма, по мысли Н.А.Бердяева, является монополизация им не столько государственной, сколько духовной власти, стремление в лице своей партии быть одновременно и государством, и Церковью — атеистической церковью, церковью без Бога. И если авторитаризм государства еще как-то можно оправдать обстоятельствами, то обезбоживанию церкви нет никакого оправдания.

Другой ответ на тот же вопрос дал Ш.Федотов: большевистская революция была продиктована необходимостью сохранения империи в ее исторических границах. В статье "Будет ли Существовать Россия?" он высказал мысль, ставшую пророческой: поражение коммунизма будет иметь своим следствием не победу демократии и либерализма, а распад империи по национальным территориям. Могильщиком коммунизма выступят кадры национальной интеллигенции и партократии, взревшие в лоне коммунистической партии. Именно они и разнесут в куски историческое тело России. Поэтому в будущем Россия может быть только национальным государством со своей национальной культурой. Чужим национализмам она должна противопоставить свой собственный — русский, объединяющий в себе национализм народов Великой, Малой и Белой Руси.

Есть еще один ответ, не отрицающий первые, но более них, на мой взгляд, выражающий суть дела только посредством революции в ее наиболее радикальной форме Россия смогла осуществить прорыв в индустриальное общество, достичь уровня технологического развития, сравнимого по своим результатам с мировыми стандартами. Революция в ее большевистской фазе и стала методом, способом российской модернизации. Вера в либеральную модель модернизации обнаруживает свою иллюзорность именно в условиях XX в., когда модернизация становится судьбой стран и народов неевропейского региона. Данная модель, будучи эффективной для центра мировой капиталистической системы, т.е. для стран, в которых эта система впервые зарождалась, оказалась непригодной (во всяком случае, на индустриальном этапе модернизации) для ее периферии, в значительно большей степени обремененной наследием традиционного общества. Совместить модернизацию (индустриализацию) с политическими и экономическими свободами для стран периферийного круга — дело трудное и подчас совершенно невыполнимое. Здесь чем-то до определенного времени надо пожертвовать — либо свободами в их полном объеме, либо ускоренной

модернизацией. А отставших, как известно, бьют. Большевики это поняли раньше других и потому победили не только в революции, но и во Второй мировой войне. Сегодня это понимает Китай, сочетающий ускоренную модернизацию с относительной свободой рынка и совершенно недемократической властью. Вывод, конечно, грустный для нашей свободолюбивой и либерально настроенной интеллигенции, но, увы, соответствующий реалиям страны, в которой она живет.

Не об отказе от демократии идет речь. Полученную свободу необходимо защищать всеми законными средствами. Но от прошлого и настоящего нельзя требовать больше того, что они могут дать. Ведь и либерализм — не догма, а руководство к действию. Либеральный догматизм ничуть не лучше любого другого. Нельзя быть чистым либералом в условиях несложившегося гражданского общества и отсутствия среднего класса. В ответ на либеральные эксперименты, идущие сверху и не считающиеся с реальным состоянием народа и страны, можно получить в результате нечто прямо противоположное. Если либералы хотят иметь в современной России хоть какое-то будущее, они должны прежде всего реабилитировать для себя (разумеется, в историческом плане) ее прошлое, т.е. найти общий язык с теми, кто до них строил и защищал ее.

Мудрость любой власти, в том числе и демократической, состоит не в том, чтобы считать предшествующее ей бесплодной пустыней, а в том, чтобы рассматривать его как исходную, стартовую площадку для дальнейшего движения. Не противопоставлять себя исторической, в том числе и социалистической, России, а сохранять и оберегать в ней то, что служило основой ее реального, а не мнимого величия. Только так можно решить проблему будущего, не повторяющего прошлого, но и не порывающего с ним.

Еще несколько слов о том, чем же все-таки стала Россия при большевиках. Помимо чисто мифического элемента, в российском варианте социализма, служившего, как уже говорилось, специфической для традиционной страны моделью модернизации, нельзя не увидеть и элемент просветительской веры в силу и мощь научного разума, способного построить общество на строго рациональных началах. Мифология и утопия здесь удивительным образом сочетаются с пафосом рационального упорядочивания жизни, с неприятием любых форм иррационального поведения и сознания, с отрицанием всякой стихии (в том числе и рыночной), порождающей хаос и анархию. Большевики, несомненно, хотели порядка в стране, славящейся своей неорганизованностью, расхлябанностью, непредсказуемостью, причем порядка не только полицейского, но и сознательного, базирующегося на общих для всех прин-

ципах и правилах. Этот мотив в их деятельности не может остаться без внимания.

По части рационализации жизни и сознания, отсутствие которой столь остро чувствовалось в традиционной России и ее культуре, большевики, как всякие революционеры, явно перегибали планку. По мнению первых большевиков (вспомним хотя бы А.А.Богданова с его "всеобщей организационной наукой"), общество будущего должно уподобиться не казарме, а заводу или фабрике, где все взято под учет и контроль, заранее спланировано и выверено, управляемо во всех звеньях. Именно большевики стали первыми насаждать в России культ научно-технического прогресса, научной организации труда и управления, всеобщего образования и высокого профессионализма как главного достоинства человека. Во имя этого они готовы были обуздать непокорный, своевольный и непривычный к строгой дисциплине русский дух, смирить его рамками жесткой организации производства, повернуть в сторону решения сугубо практических технико-производственных задач. Культ американской деловитости, организованности и технической изобретательности начался в России именно при большевиках. России патриархальной, религиозно экзальтированной, склонной к отвлеченной мечтательности и моральному максимализму (вещи, необходимые для великой культуры, но недостаточные для того, чтобы жить в современной цивилизации) они противопоставили Россию буднично деловую, практически расчетливую, ориентированную на достижение вполне земных целей — рост производства, укрепление обороноспособности, повышение научно-технического потенциала. Никогда еще в России до большевиков не был так высок в сознании масс престиж научного и инженерного труда, образования, городской культуры, светских профессий. Большевики не только подняли в глазах народа цену этих видов деятельности, но и открыли к ним свободный доступ для всех слоев населения. В таком качестве они выступили не как утописты и фанатики, а как трезвые реалисты и прагматики, взявшие на себя роль модернизаторов и цивилизаторов России, предпочтя вполне зримые успехи в развитии общественного производства высоким, но достаточно далеким от жизни социальным мечтаниям и духовным устремлениям дореволюционной интеллигенции. Приходится только удивляться, что Запад принял русскую революцию за нечто абсолютно враждебное себе, поверив официально пропагандируемой идеологии. Сегодня Россия со своей ностальгией по дореволюционному прошлому, пожалуй, дальше от Запада, чем при большевиках.

Нужно и можно, конечно, осуждать те методы, какими решалась задача модернизации России в период большевистского правления.

Но ведь сама задача так или иначе была выполнена, поставив Россию в один ряд с промышленно развитыми странами мира. Стоит ли во имя сомнительных благ первоначального накопления и возвращения к самым ранним формам рыночной экономики, давно уже оставленным позади развитыми странами, рушить все то, что было создано нами в XX в. в плане производства, науки, образования, обороны, социальной защиты населения, здравоохранения и пр.? А ведь ничем, буквально ничем, кроме как разрушением старого, ранее достигнутого, наши либеральные реформаторы похвастаться не могут. И прежде всего в области экономики, где они считают себя специалистами. Говорят о "потерянном столетии", а за неполные десять лет страна была отброшена назад по всем показателям на срок, вполне равный столетию. Один только распад СССР вычеркнул из истории России, по крайней мере, три столетия, вернув ее к рубежам допетровской Руси. Еще немного и вся ее история станет для нас потерянной. Если это и есть либеральная реформа, то чем она отличается от потопа?

Как бы не представлять будущее России, оно может быть не повторением и не разрушением ее прошлого, а его продолжением, сохраняющим с ним связь и преемственность, пусть и с учетом новых условий и обстоятельств. Сейчас эта связь разорвана ("порвалась связь времен"), но она обязательно будет восстановлена, если мы хотим жить дальше. Я не призываю вернуться назад — к дореволюционному или послереволюционному прошлому, да это и невозможно: у истории нет обратного хода. Но оглянуться назад необходимо, ибо только в прошлом заключен ответ, какое будущее ожидает Россию. Ответьте себе, что в прошлом вы цените больше всего, в чем видите его позитивный результат, от чего в своей истории не отречетесь ни при каких обстоятельствах — и вы обретете ключ к будущему. Позитив здесь намного важнее негатива. Если в прошлом нет позитива, если, как сказал поэт, "и не жаль мне прошлого ничуть", то нет и будущего. Тогда вместе с поэтом не останется ничего другого, как только "забыться и заснуть". Будущее без прошлого — это уже другая история, но не история России. Тем, кто захотел вычеркнуть из истории России XX век — век, действительно, "великих потрясений" — придется распрощаться и с мечтой о "великой России", ибо революция, коль скоро она уже произошла, не отменяется указами сверху или сменой власти, а постепенно изживается в своей деструктивной части и сохраняется в части конструктивной. Я уверен, что в новой России, если она состоится, русская революция во всем ее трагизме и величии получит такое же историческое признание и оправдание, как европейские революции имеют в истории своих стран. И может быть, с такого оправдания и начнется подлинное возрождение России.